

ОТКРОВЕНИЯ

Владимир Аликин: Возможности зарабатывать честно есть

Советник генерального директора ФКП «Пермский пороховой завод» — об очередной смене топ-менеджмента и дальнейшей судьбе оборонного гиганта

Наталья Калюжная

— 30 января завод посетили директор департамента промышленности обычных вооружений, боеприпасов и спецхимии Министерства промышленности и торговли РФ Константин Тарабрин и Николай Тарасов. Какова была цель визита?

— Коллективу представили нового генерального директора — Николая Тарасова. Привезли соответствующее распоряжение министра — типовую бумагу, в которой сказано, что он назначается генеральным директором, а следующим пунктом упомянуто, что в дальнейшем будет проведён конкурс на эту должность согласно уставу Министерства промышленности и торговли РФ.

— Каковы были требования к кандидатам?

— Есть требования по режиму секретности, нужно иметь какую-то связь с отраслью и, видимо, поработать на руководящих должностях. На предыдущем конкурсе в декабре 2011 года (который выиграл Борис Шакуля) требовали вторую форму секретности. Участвуют в конкурсе, как правило, пять–семь человек.

— Был ли список кандидатов на должность генерального директора?

— В декабре в списке было семь фамилий. В частности, там был и Сергей Мохначёв. Был один олигарх, один товарищ, который работает в аппарате ВПК в Москве в «белом доме», другие кандидаты.

— Почему на этой должности не остался Сергей Мохначёв? Он чем-то не устраивал?

— Я думаю, нет. Просто кто-то проявил интерес к нашему предприятию. На завод идут огромные деньги для модернизации. При этом на нём за 6,5 лет сменилось шесть директоров, причём большинство из них уходят по типовой схеме: «уголовка», после чего человек лишается формы допуска к секретной информации.

— Сегодня вы являетесь советником генерального директора ППЗ. Как это случилось?

— Я пришёл на НПО им. Кирова 7 марта 1973 года. Через два года, когда уже был в должности инженера, с полигона «Плесецк» мы пустили ракету по боевому полю Кура на Камчатке. Это была первая твёрдотопливная ракета Сергея Королёва, где третья ступень была полностью пермской.

Моя научная специальность — боеприпасы. 19 лет я проработал в институте, дослужился до начальника ведущей, ключевой лаборатории. Сдавал серию «Буран», стартовую и разгон-

ную ступени крылатых ракет. Защищал докторскую диссертацию, а когда стал начальником лаборатории, «убрали» генерального директора — в 1991 году разваливается Советский Союз. И что происходит? Все военные темы закрываются тотально. Началось это при Горбачёве, при Ельцине продолжилось.

Я вёл новую тему под названием «Метеорит» — она закрылась в самом начале разработки. Шёл 1990 год, закрывалось всё. Тогда, чтобы не потерять себя, я перешёл в рамках НПО им. Кирова на завод, создал там научно-инженерный центр. И мы стали делать новые гражданские производства. После этого с НПО им. Кирова я уходил только в депутаты Пермской городской думы. В 2003 году я ушёл с предприятия. Потом Борис Шакуля позвал меня обратно в сентябре позапрошлого года.

— Завод сильно изменился за время вашего отсутствия?

— В 2012 году наконец-то «повалился» госзаказ, в 2013 году он стал ещё больше. Сейчас объём продаж продукции оценивается в 4,5 млрд руб. в год. Это при том, что при Ельцине госзаказ упал до нуля. Тогда ведь Гайдар с Чубайсом сказали: купим оружие за рубежом, плевать на эти девять министерств. Вообще-то — стержневых для российской экономики. Сделали из девяти этих огромных монстров ма-а-а-ленький комитет по оборонным отраслям. Вместо ракет объявили какую-то убудочную конверсию, предлагали делать утюги вместо ракет.

В те времена, чтобы оборонка «гражданку» не «объедала», была принята доктрина: чтобы на рубль зарплаты на оборонном предприятии выпускалось ровно на рубль гражданской продукции. Пороховой же завод производил вместе с институтом (теперь НИИПМ — ред.) этой гражданской продукции на 3 рубля 84 копейки. У нас существовали производства полиуретана, лакокраски, линолеума, клеёнки, клеев. Рынка тогда не было, выпускать было нетрудно. В оборонном комплексе было занято много людей. В 1992 году было 10 тыс. человек на заводе и 3 тыс. в институте.

— Сегодня соотношение гражданской и военной продукции сохранилось?

— Сейчас соотношение стало гораздо хуже. Когда не было оборонзаказа, во времена Ельцина, мы развернули «гражданку». Соотношение «военки» и «гражданки» в 1992–2000 годах было 50/50. Потом посыпались зарубежные контракты — Марокко, Индия

и пр. «Гражданку» растеряли, и сейчас «военка» уже составляет 80%, а «гражданка» — 20%. Это очень плохо. И Путин предупреждает: произойдёт российская модернизация, будут отрабатываться какие-то новые образцы, но уже не в тех объёмах, что раньше. Дадут не такие триллионы.

Вот в 2013 году Министерство обороны РФ «съело» больше, чем американцы в холодную войну, так как сложилась критическая ситуация. Но перевооружение будет продолжаться до 2020 года. Все получат «Искандеры» (высокоточный оперативно-тактический ракетный комплекс сухопутных войск — ред.) и новое оружие, цикл которого составляет где-то 12 лет. И в это время упадёт оборонный заказ.

Контракты заводов, заключаемые по линии Рособоронэкспорта, тоже могут «просесть». Поэтому Путин с Рогозиным откровенно предупреждают: вы, как военное производство, не забывайте про наукоёмкую гражданскую продукцию.

Чтобы понимать, какими должны быть перспективы пермской промышленности, надо знать историю. В первый год Великой Отечественной войны в Пермь было эвакуировано 124 предприятия, 90% из них здесь и остались.

В 1958 году сюда приезжают товарищи Леонид Брежнев, Дмитрий Устинов, Сергей Королёв. Три дня сидят они в Перми и в результате принимают решение: Пермь — единственный в мире город ракетного двигателя, потому что в нём есть и твёрдотопливное двигателестроение (ППЗ), и жидкостное («Протон-ПМ»), и авиационные двигатели Павла Соловьёва. И тогда наш город закрыли.

Почему не вкладывали в инфраструктуру? Да потому что иностранцев тут никогда и не было — их не пускали. И садить в этом городе «красных человечков» и запускать проекты «Пермская картошка» могли только люди, которые не знают его историю. Всё это было надуманно, искусственно привнесено в этот город.

В момент распада СССР в Перми было 19 крупных оборонных предприятий, включающих 200 тыс. рабочих мест. Сейчас их нет. На заводе им Свердлова (сейчас — Пермский моторный завод — ред.), работали 54 тыс. человек, а «Звезда», игравшая в первой лиге российского футбола, была просто цеховой командой. Сейчас там, извините, 11 тыс. человек. Нас на ППЗ было 10 тыс, осталось 4,4 тыс.

Закамск был химическим кластером. «Сорбент», «Галоген», завод синтетических моющих средств... Все они «ужа-

лись», кто-то совсем «упал», и теперь весь Кировский район едет на работу в центр, чего никогда не было — туда даже не ходил транспорт.

— Как вы оцениваете руководство военно-промышленным комплексом сегодня?

— Рогозин — это то что надо. Вспомните Сердюкова — пародию на министра обороны. Рогозин с Шойгу — вот этой связке нет цены. Это порядок и отсутствие коррупции. Это достижение высоких целей в РФ. Эта связка вселяет в нас, заводчан, большой оптимизм.

— Как выглядит площадка предприятия сегодня?

— Забор у нас до сих пор один, он огромный. За ним — стендоиспытательная база «Искры», сборочная база «Машиностроителя».

Здесь же располагается компания, которая называется сейчас «Ашленд МСП» (Москва-Штокхаузен-Пермь). В данный момент она принадлежит американцам, сейчас её продают. Мы её создали в 1995 году. Она делает электрически заряженные флюклянты, которые используются для очистки воды и нефтедобычи — это «высший пилотаж».

Вот что собой представляет площадка Пермского порохового завода, которую охраняет, как положено, полк с автоматами.

— Расскажите об уголовных делах, с которыми связан завод.

— У нас было два проекта модернизации, на каждый из которых дали по 40 млн руб. Один из них делал московский институт «ПромНИИпроект», второй — институт «Пермгипромаш». Вот эта вторая «сороковка» — не отработала. Во-первых, произошёл капитальный срыв по срокам этого проекта, во-вторых — по качеству.

— Насколько виновен в этом Борис Шакуля?

— Шакуля ни в чём не виноват. Вся «уголовка» сосредоточена в «Пермгипромаше». Уверен, для Шакули кончится всё нормально. Обвинения с него снимут.

— Расследование уголовных дел продолжается?

— Я далёк от «уголовки». Знаю, что люди ездят на допросы. Меня не вызывали — я не подписывал никаких финансовых документов. Знаю, что весь процесс идёт вокруг проекта «Пермгипромаш».

— Давно ли были обыски на заводе?

— Последняя выемка документов была 13 июня 2013 года. Вынимали проектную и финансовую документацию по «Пермгипромашу».